

РОЛЬ ХРИСТИАНСКОЙ КНИЖНОЙ ТРАДИЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ ДУХОВНОГО СТИХА¹

НАТАЛЬЯ СЕРГЕЕВНА МУРАШОВА

(Новосибирский государственный педагогический университет:
Российская Федерация, 630126, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, д. 28)

***Аннотация.** Христианская книжная культура сыграла ключевую роль в формировании духовного стиха. Заимствованные из книжной традиции сюжеты облеклись в привычную фольклорную музыкально-поэтическую форму. Ритмизация текста, клишированные интонационные и поэтические обороты помогли быстрее усваивать и распространять инокультурную информацию. В качестве основополагающего первоисточника сюжетов духовных стихов, давшего им систему персонажей и связанных с ними сюжетных мотивов и ситуаций, рассматриваются библейские тексты. Они выступали в роли пратекста, на основе которого возникали тексты других христианских жанров: канонических и апокрифических, вербальных и изобразительных, оказывавших воздействие друг на друга, существующих в одном семантическом пространстве, ядром которого была христианская культура. Такие тексты-реципиенты одновременно выполняли экзегетическую функцию толкования Священного Писания. Из них и получали информацию слагатели и исполнители народных духовных стихов. Неизменная роль христианской книжности в качестве фундаментальной основы способствовала самосохранению духовного стиха как жанровой системы. Заимствования из христианской книжности носили не только формальный, но и смысловой характер. Персонажи и связанные с ними сюжетные ситуации переносились в другой, нежели в первоисточнике, жанровый контекст, благодаря чему распространение христианских идей и разъяснение их сути происходило посредством текста-интерпретатора, в роли которого выступал духовный стих. На основе анализа канонических текстов Священного Писания, молитвословий и церковных песнопений богослужебного обихода, святоотеческой, житийной литературы, апокрифов в качестве сюжетных источников доказывается ведущее значение христианской книжной культуры в формировании и развитии духовного стиха и сохранении его как жанровой системы.*

***Ключевые слова:** духовный стих, христианская книжная культура.*

Духовный стих возник вследствие син-
тезирования культурных элементов
многих традиций: книжной и устной, ре-
лигиозной и светской, языческой и хри-
стианской; в рамках христианской тради-
ции — канонической и апокрифической,
греко-византийской, славяно-русской

и западноевропейской. Именно христиан-
ская книжная культура сыграла ключевую
роль в формировании духовного стиха.
Его сюжеты и образы не существовали
ранее в устной форме, подобно класси-
ческим фольклорным жанрам. Напротив,
духовный стих демонстрирует влияние

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФНФ № 15-04-00113-а.

письменных традиций на фольклор, приспособление книжных культурных форм к бытованию в народной среде. Заимствованные из книжной христианской традиции сюжеты облеклись в привычную фольклорную музыкально-поэтическую форму. Ритмизация текста, клишированные интонационные и поэтические обороты помогали быстрее усваивать и распространять инокультурную информацию.

В качестве источников духовного стиха следует упомянуть канонические тексты Священного Писания, богослужебные тексты (молитвословия и церковные песнопения), святоотеческую, житийную литературу и апокрифы. Попытаемся определить значимость каждого из них в развитии художественной системы внебогослужебного духовного пения.

Итак, содержание многих духовных стихов восходит к книгам **Священного Писания**. С историями *Ветхого Завета*, в частности, связаны стихи, воспринявшие сюжеты *Книги Бытия*:

- изгнание Адама из рая (Бытие, гл. 3): «Восплакался Адам пред раем стоя», «Где мой рай прекрасный, Светлый мой Едем?», «Изгнано бысте Адамо из рая»;
- смерть Авеля (Бытие, гл. 4): «Вот уж полночь, где же он»;
- Ноев потоп (Бытие, гл. 7–8): «От начала было века, от первого человека», «Потоп страшен умножался», «Текли дни, недели, лета, Бог готовил сеть для света»;
- весть Аврааму о рождении сына (Бытие, гл. 18): «Под дубом Маврийским сидел Авраам»;
- спасение Лота и разрушение Содома (Бытие, гл. 19): «Вечер, сумерки наступают»;
- жертвоприношение Авраама (Бытие, гл. 22): «Господь Аврааму вещал с высоты»;
- об Иосифе (Бытие, гл. 37 — о продаже Иосифа братьями в рабство, гл. 39 — о заключении Иосифа в темницу, гл. 41 — толкование Иосифом снов фараона): «Блажен еси Иакове имел у себя двенадцать сынов», «Кому повем печаль мою».

Все упомянутые памятники отличаются подробным изображением событий в соответствии с библейской фактологией. Они отмечены повышенной экспрессивностью, одним из средств достижения которой выступает прямая речь. Монологи и диалоги действующих лиц вызывают

у исполнителей и слушателей глубокое сопереживание происходящим событиям. Сочетание яркой эмоциональности и повествовательности позволяет определить такие образцы как лиро-эпические.

Среди книг Ветхого Завета, служащих источником духовных стихов, особое место занимает *Псалтирь*. В отличие от других библейских книг, она получила известность еще в Киевской Руси, поскольку уже в тот период существовали славянские переводы псалмов. Хорошее знание молитв из Псалтири связано и с тем фактом, что они используются во время богослужения. Однако возникновение духовных стихов на основе псалмов относится только ко второй половине XVII в. Их возникновение связано с деятельностью Симеона Полоцкого. После 1680 г. появляется сборник «Псалтирь рифмотворная» этого автора с напевами, сочиненными Василием Титовым, предназначенный для домашнего музицирования.

По словам И. З. Серман, появление стихотворных переложений псалмов — общеевропейская тенденция, наметившаяся с XVI в. [Серман 1962, 221]. Она была обусловлена реформационными течениями: французские гугеноты издают переложение псалмов Клемана Маро и Кальвина; у чешских гуситов появляется канционал Псалтирь Яна Гуса; стихотворное переложение Псалтири осуществил польский поэт Ян Кохановский. В России после Симеона Полоцкого традиции поэтического перевода Псалтири были продолжены Ф. Прокоповичем, В. Третьяковым, А. Кантемиром, М. Ломоносовым, А. Сумароковым, М. Херасковым, Г. Державиным, Г. Пакатским, А. Плещеевым, А. Апухтиным и др. Стихотворные переложения псалмов составляли особую область гражданской лирики, совмещающую личную тему с общественной идеей, выражая земные интересы в религиозной поэзии [Серман 1962, 232].

Среди носителей духовного песнетворчества известностью пользовались следующие стихи, созданные на основе Псалтири: «Блажен, кто к злым в совет не ходит» (переложение 1-го псалма М. Ломоносова), «Господь спаситель мне и свет» (переложение 26-го псалма М. Ломоносова), «Суди обидящих зиждатель» (переложение 34-го псалма М. Ломоносова), «Коль славен наш Господь в Сионе» (переложение 64-го

псалма М. Хераскова), «Вознесу тя, Боже мой» (переложение 144-го псалма А. Сумарокова), «Хвалу Всевышнему Владыке» (переложение 145-го псалма М. Ломоносова). Лейтмотив 102-го псалма «Человек, яко трава дние его, яко цвет сельный» получил преломление в покаянном стихе XVI в. «Яко цвет увядает» [Ранняя русская лирика 1988, 53, 54], а затем и в народном стихе о смерти «Человек на земле живет, как трава в поле цветет». 136-й псалом «На реках Вавилона, там сидели мы и плакали» послужил основой для стиха «Плач Израиля». Кроме того, старославянский текст этого псалма бытует среди старообрядцев в качестве стиха «Сетование иерусалимских пленников» с инципитом «На реце Вавилонской». Ветхозаветный эпизод приобрел современное звучание: параллель между далекими эпохами обусловлена мотивами разрушения древних устоев и поругания веры.

Сюжеты **новозаветных** духовных стихов отражают ключевые события, представленные во всех четырех Евангелиях и Деяниях святых апостолов:

- рождение Иоанна Предтечи (Лука, гл. 1): «Рождество Предтечи Иоанну днесь любовью, людие, почтим»;
- благовещение Богородицы (Лука, гл. 1): «Исполняя Бог ныне древний завет»;
- рождение Христа (Лука, гл. 2): «Было от века Адамова, от роду Авраамова родился Христос, Бог наш», «В вышине небесной много звезд горит», «Звезда явися, Творец озарися», «Небо и земля ныне торжествуют», «Нова радость стала, яко в небе хвала», «Христос в Вифлееме рождается», «Христос родился, в вертеп вселился»;
- поклонение волхвов, бегство в Египет и избиение младенцев в Вифлееме (Матфей, гл. 2): «Безмолвна знойная пустыня, песок зыбучий не шумит», «Но недолго радость продолжалась», «Три мудреца из дальних стран Востока»;
- крещение Иисуса (Матфей, гл. 3): «В далекой стране Палестине», «На Иордань всех Спаситель, днесь прииде искупитель»;
- первое чудо Иисуса (Иоанн, гл. 2): «В Кану Галилейску на брак сам приидя», «Мессия пришед в мир, истинный пророк велий»;
- притча о добром самарянине (Лука, гл. 10): «При пути опасном страдалец лежал»;
- преображение Иисуса на горе Фавор (Матфей, гл. 17): «На Фаворе преобразяся»;

- воскрешение Лазаря (Иоанн, гл. 11): «О царь и Бог мой! Слово силы»;
 - притча о блудном сыне (Лука, гл. 15): «Бродил я далеко в чужой стороне», «В это время шел с работы старший сын в отцовский дом»;
 - притча о богатом и Лазаре (Лука, гл. 16): «Весь свой век Лазарь трудился», «Лазарь, мой Лазарь божий человек», «Человек бе некто богатый»;
 - Иисус в гостях у Закхея (Лука, гл. 19): «Завтра, завтра в дом Закхея»;
 - пророчества Христа о втором пришествии (Матфей, гл. 24–25): «Когда выходил Христос из храма»;
 - распятие и смерть Христа (Матфей, гл. 27; Лука, гл. 23): «В океан-море камень лежит», «Во святом было во граде во Иерусалиме», «Вот лобное место стоит предо мною», «И вот Господь наш, угасая», «Он шел на Голгофу», «Со страхом, братие, мы послушаем Божье писание Господних страстей», «Стояла пречистая Мать у креста»;
 - воскресение Христа (Лука, гл. 24; Матфей, гл. 28; Марк, гл. 16): «Аще и во гробниде безсмертны, но адово разрушив силу и воскресе», «Спит Сион»;
 - явление Иисуса ученикам, шедшим в Еммаус (Лука, гл. 24): «Два путника из врат Иерусалима», «Дорогой трудной в Еммаус»;
 - вознесение Христа (Деяния св. апостолов, гл. 1): «На шестой было на неделе, в четверг у нас праздник Вознесения»;
 - сошествие Святого Духа (Деяния св. апостолов, гл. 2): «Не в колеснице Илии, не с грозным жезлом Моисея» на слова С. Хлопштока;
 - о явлении Господа Савлу (Деяния св. апостолов, гл. 9): «Полный злобы, полный мщенья» на слова В. Благовещенского.
- Принадлежность евангельских стихов к книжной традиции проявляется в частом цитировании из первоисточника. Например, в Евангелии от Луки 16, 19 сказано: «Некоторый человек был богат, одевался в порфиру и виссон», в стихе «О богатом и Лазаре» имеются соответствующие строки:
- Иже в мире сем богатый
И во славе жизни сей
Облекался он в порфиру
И пурпуровый виссон
(Зап. от Якова Григорьевича Немцева, 1938 г.р., г. Риддер (Лениногорск), Восточно-Каззахстанская обл. Соб. Н. С. Мурашова, В. В. Мурашов. 1993 г.) [ЛАА].

Или другой пример. Иоанн, 19. 10:

«Когда же Иисус вкусил уксуса, сказал: совершилось!» Духовный стих:

И вот Господь наш, угасая:

— Свершилось! — громко возгласил

(Зап. от Веры Васильевны Шешиковой, 1912 г.р., с. Путинцево, Зырянский р-н, Восточно-Казахстанская обл. Соб. Н. С. Мурашова, В. В. Мурашов. 1993 г.) [ЛАА].

Библейские тексты можно оценить как первичный источник сюжетов духовных стихов, давший им систему персонажей и связанных с ними сюжетных мотивов и ситуаций. Но Библия не была непосредственным источником для стихов ранней традиции. Она выступала в роли пратекста, на основе которого возникали тексты других христианских жанров: канонических и апокрифических, вербальных и изобразительных, оказывавших воздействие друг на друга, существующих в одном семантическом пространстве, ядром которого была христианская культура. Такие тексты-реципиенты одновременно выполняли экзегетическую функцию толкования Священного Писания. Из них и получали информацию слагатели и исполнители народных духовных стихов.

Стихи, сюжеты которых непосредственно восходят к Библии, относятся к литературным памятникам позднего происхождения. В Средние века — время формирования внебогослужебного духовного пения — текста Писания на русском языке не существовало, и библейские книги из-за их позднего перевода не могли быть первоисточником духовных стихов. Усвоение их содержания происходило из источников-посредников и во время богослужения.

Богослужение и связанные с ним **богослужебные тексты** внесли свою лепту в формирование духовного стиха. Свидетельствами влияния церковного обряда на духовные стихи может быть упоминание в последних названий служб («Архидерей шел сам к обедне» [Селиванов 2004, 186], «Стоял старец Онофрий на молитве у всеночной» [Там же, 220], «Церковный пономарь от сна восстанавливает, приходил он во святую соборную церковь к утренней заутрени благовестити» [Там же, 223]); богослужебных книг («Псалтырь —

книга всем книгам мати» [Там же, 40]); певческих молитвословных жанров («... поют песни архангельские» [Там же, 105], Егорий «...поет стихи херувимские, превозносит гласы все архангельские» [Там же, 137]); обрядовых элементов церковной службы (Божья Мать речет Алексею: «Твори ты Иисусову молитву» [Там же, 178, 184], Алексей «...крест-от кладет да по-писаному, поклон-от ведет да поученому» [Там же, 194] и др.). Кроме того, создатели стихов демонстрируют знание церковных обрядовых традиций: Алексей «...на каждую субботу он покаялся, на каждый день воскресный причащался, и вкушал он по одной просвирке на день» [Там же, 194], священник из стиха «Дмитрий Солунский» «...животворящий крест с престола принимает, святой их водой окропляет» (русских полонянок. — Н. С.), а затем «...поп-священник, отец духовный заблаговестил во многие колокола» [Там же, 224, 225].

Упоминание в духовных стихах церковных календарных событий и приуроченных к ним богослужений также обнаруживает близость между литургическими и внелитургическими формами христианской культуры. Стих «Про Марию Египетскую» заканчивается следующими строками:

И взшел старец в церковь Божью,
И велел старец вспоминать жену, —
То святую Марию Египетску, —
Во пятой четверг Велика поста
[Соболев 1914, 29, 30].

На утрени четверга пятой седмицы Великого поста читается житие преподобной Марии и поется Великий покаянный канон Андрея Критского, который содержит обращение к Марии. Эта служба установлена в память о святой, в народе ее называют «Мариино стояние», она-то и упоминается в духовном стихе.

Из богослужебных текстов, оказавших наиболее заметное влияние на внебогослужебное духовное пение, следует назвать стихирь Андрея Критского, Иоанна Дамаскина, Феодора Студита, Иосифа Песнопевца, молитвы из Стихираля, Триоди постной (особенно недели о Страшном суде и сыропустной недели), фрагменты из Миней. А. В. Коробова отмечает, что богослужебная традиция

в наибольшей степени повлияла на стихи о Страшном суде [Коробова 1997, 19].

Заметное воздействие на стихи о страстях Христовых оказал канон «О Распятии Господнем и на плач Пресвятыя Богородицы» Симеона Логофета, составленный в X в. (его еще называют «Плачем Пресвятой Богородицы»), читаемый на повечерии Великой Пятницы. Канон содержит обращения Богоматери к умирающему Сыну. В предпоследнем тропаре следует ответ Христа, разъясняющий смысл его смерти и предрекающий грядущее воскресение. Можно проследить параллели между каноном «О распятии Господнем» и стихами «Распятие Христа» [Селиванов 2004, 91–94], «Страсти Господни» [Там же, 94–96], «Плач Богородицы» [Там же, 97–99]. Все перечисленные стихи содержат диалог между Богородицей и распятым Христом, большая часть которого представляет собой горестные восклицания Богоматери, за которыми следует краткий ответ Иисуса, что соответствует строению канона. В стихе «Страсти Господни», как и в каноне, упоминается архангел Гавриил.

45-й канон из Надгробных песнопений Ефрема Сирина «Вчерашний день был ты здрав телом и душою, а ныне смерть тебя безмолвнаго заключила в гроб» нашел продолжение в духовном стихе «С другом я вчера сидел, а ныне смерти жду придел».

К стихирам и икосу сыропустной недели восходит стих «Плач Адама».

Очевидно созвучие тематики песнопений чина погребения и покаянных стихов.

Богослужебные тексты оказали заметное влияние на лексический состав духовных стихов, насыщенный характерными для церковной службы словесными оборотами («плачу и рыдаю», «река огненна», «огнь вечный», «лютый червь», «суд праведный» из стихир на Господи, возвах; «увы мне» из стихир на стиховне и др.).

Цитаты из молитвословий обычно содержатся в заключительной строфе стиха: «Аллилуия, аллилуия, аллилуия / Слава тебе, Боже наш. / И во веки веков. Аминь!» [Там же, 94]; «Слава Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков, аминь» [Там же, 240]. Молитвословие может выступать в роли рефрена, например, в стихе «Для всех солнце светит, для меня уж нет» таким является Трисвятое: «Святые Боже,

Святые Крепкий, Святые Бессмертный, помилуй нас».

В срединных разделах также встречаются лексические обороты, перешедшие в стихи из молитвы. Как правило, они представляют собой не точные цитаты, а вольное использование молитвословных фраз: «Запоем-то славу Господню, / Непрестанно же будём слушать: / Слава Творцу, векам Отцу и Сыну! [Селиванов 2004, 202]; «Господи, Отец, Сын, Святой Дух! Услышьте молитву» [Там же, 163]; «О, Боже, Владыко, Царь Небесный! / Услыши нашу молитву, / Увиди моление, / Призри наше слезное рыданье!» [Там же, 177]. В стихе «Иоасаф и Варлаамий» использован эпитет «пресладкий Иисусе», известный по 1-му икосу Акафиста Сладчайшему Господу нашему Иисусу Христу («Иисусе пресладкий, патриархов величание»).

Богослужение давало духовным стихам не столько сюжеты, сколько отдельные мотивы и лексику. По мнению А. В. Коробовой, в духовных стихах «...заимствования из церковных служб могли быть сознательными и неосознанными». Сознательные проявлялись в цитировании фрагментов богослужебных текстов, в приурочивании определенных стихов к церковным праздникам. Неосознанное заимствование происходило в результате «слышания в храме часто повторяющихся строк». Тем самым «...церковная служба явилась культурным фоном, духовной атмосферой», инициировавшей желание распространять христианскую картину мира за пределы храма [Коробова 1997, 36]. Именно так можно определить место богослужения в системе источников духовных стихов. Духовные стихи давали разъяснение некоторым идеям и символам богослужения благодаря доступной трактовке сюжетов Писания и единства изобразительности и выразительности.

Среди текстов-посредников важное место занимают произведения святоотеческой литературы — *поучения и слова отцов Церкви и древнерусская учительная литература*. Они входили в круг чтения духовных лиц и грамотных мирян. Создаваемые в этой среде покаянные духовные стихи, наполненные эсхатологическими мотивами, возникали под воздействием «Слова о Христе и антихристе» Ипполита, освещающего тему пришествия

антихриста в мир и заканчивающегося цитированием библейских эпизодов о воскресении мертвых и Страшном суде; известных на Руси с конца XIII в. Слов Ефрема Сирина «О суете жизни и покаянии», «О почивших во Христе», «О всеобщем воскресении и втором пришествии Господа нашего Иисуса Христа», «На честной крест и второе пришествие Господа нашего Иисуса Христа» и др., в которых описываются деяния антихриста во времена своего царствия; написанного под влиянием сочинений Ефрема Сирина «Слова о втором пришествии Христове, о Страшном суде и будущей муке» Палладия Мниха; «Слова о небесных силах, чего ради создан человек», приписываемого русской традиции. Эти произведения близки покаянной лирике не только своими идеями, сюжетными мотивами, но и экспрессивностью повествования.

Первая строфа «Стиха об нынешнем веке и о будущем» как бы суммирует заглавия перечисленных выше Слов:

Преподобного Отца нашего
 Писано слово Божие
 Об нынешнем веце, об будущем.
 Об страшном втором Христовом
 пришествии
 И об антихристовом рождении
 [Селиванов 2004, 309].

Пожалуй, наибольшее воздействие на духовные стихи оказало «Слово» Палладия Мниха. В. А. Сахаров объясняет этот факт картинностью изображения в «Слове» Страшного суда, дающей возможность красочного описания различных его эпизодов [Сахаров 1879, 166]. Палладий Мних активно использует синтаксическую фигуру обращения: грешники с просьбой о прощении и спасении молят Богородицу, Иоанна Предтечу, пророков, апостолов, мучеников, святителей, преподобных отцов, ангелов. Обращение к святым силам содержат и многие стихи: «О страшном суде» [Киреевский 1848, XVI], «О втором пришествии» [Киреевский 1848, XX], «Огненная река» [Селиванов 2004, 333]. Из Палладия Мниха слагатели стихов могли заимствовать мотив обращения к грешной душе. В начале «Слова» читаем: «...ныне исповеждься, душа, и ныне умилися, и ныне восплачися, слезы точащи непрестанно» [Сахаров

1879, 153]. В стихе «О нынешнем веке и будущем»: «...и ныне, душа, воспойся, и ныне, душа, умилися, и ныне, душа, возвратися, и ныне, душа, расплачься» [Селиванов 2004, 309].

Фраземы, семантически связанные с адом: «тьма крошечная», «смола горячая», «река огненная», «муки вечные», «геенна огненная», «червь неусыпающий» — могли перейти в духовные стихи из сочинений Палладия Мниха и Ефрема Сирина, где они часто встречаются. Из сочинений Ефрема Сирина слагателями покаянных стихов заимствованы и такие словесные формулы, как «братия мои», «житейская суета», «восплачут вся земля и море» и др.

В святоотеческой литературе последовательно проводится мысль о том, что спасения души можно достичь лишь путем аскезы и очищением через покаяние и слезы. Эти идеи нашли отражение во многих духовных стихах: «Чем нам душеньку спасти и чем в рай взойти. / Спасти душу — постами, молитвами и низким полуночным поклоном» [Безсонов 1861, 228]; «На втором пришествии ничто не пособит, / Только нам пособят слезы, пост и моление» [Безсонов 1863–1864, 288, 289].

Влиянием произведений святоотеческой литературы можно объяснить частое использование в духовном стихе формы и темы плача. Широкое распространение плача связано и с укоренившейся в народной культуре причетной традицией, а также с библейско-византийскими плачами, получившими известность на Руси благодаря переводной литературе. Перечислим наиболее популярные духовные стихи, созданные в плачевых традициях:

1. Плачи персонажей священных историй: «Плач Адама» [Селиванов 2004, 48–50]; «Плач Иосифа прекрасного» [Там же, 71, 72], «Плач Богородицы» [Там же, 97–99], «Плач Иоасафа-царевича» [Там же, 208, 209].

2. Плачи души: «О нынешнем веке и о будущем» [Там же, 309–313], «Плач души грешной» [Там же, 274], «Стих плачевный» [Там же, 274–276], «Вечор я со другом сидела» [Там же, 283].

3. «О старце» — плач черноризца о потерянной золотой книге [Киреевский 1848, XL] и ключах от Божьей Церкви [Там же, XLIII, XIV].

4. «Плач земли» [Селиванов 2004, 229].

Ряд стихов открывается «плачевыми» формулами: «Плачем, возрыдаем» [Киреевский 1848, XVII] «Расплатится душа грешная» [Там же, XXIII], «Идет старец, а сам плачет» [Там же, XLIII], «Расплакался млад юноша» [Селиванов 2004, 208]; «Дажь ми, Господи, о своих грехах поплакати» [Там же, 273], «Расплатится, растоскуется душа грешная, незаконная» [Там же, 274] и др. Сравним с фрагментом Слова Ефрема Сирина «На пришествие Господа, на скончание мира и на пришествие антихриста»: «восплачется вся земля, и море, и воздух; восплачутся вкупе и животные дикие со птицами; восплачутся же и оба светила небесные со звездами за род человеческий <...>. Тогда восплачется земля и море <...>. Восплачутся тогда церкви Христовы вся плачем великим» [Сахаров 1879, 118].

Итак, святоотеческая литература оказала бесспорное воздействие на духовные стихи, особенно эсхатологического содержания, поскольку именно в ней темы смерти, воцарения антихриста, Страшного суда получили весьма подробную разработку. Духовным стихом были заимствованы многие изобразительные приемы и лексические фигуры. По мнению В. А. Сахарова, в сочинениях отцов Церкви нравились «...картинность изображения, множество эпизодов, твердого основания для которых нет в Священном Писании» [Там же, 153], «...которые с особенною подробностью <...> рисуют будущую судьбу мира» [Там же, 72].

Несмотря на имеющиеся параллели между сочинениями святых отцов и некоторыми духовными стихами, вряд ли эти произведения выступали непосредственным источником. Здесь скорее следует вести речь о влиянии самой темы Страшного суда и пришествия в мир антихриста, столь тщательно проработанной в Словах и сказаниях отцов Церкви, а также экспрессивного стиля изложения на тематику и язык духовных стихов. Эти сочинения формировали общий культурный фон, атмосферу, мировоззренческие доминанты, что нашло продолжение в духовном стихе.

Распространенным сюжетным источником духовных стихов были **апокрифические предания**, представляющие, по определению А. Галахова, «...смесь

достоверных сведений Библии с вымыслами» [Галахов 1894, 181]. В древнерусскую книжность апокрифы проникли вскоре после Крещения Руси из южнославянской литературы. Они воспринимались как комментарии к библейским текстам, помогающие толковать богословские догматы и прояснять события Священной истории. Апокрифы были распространены в том числе в монастырской среде, выполняя в какой-то мере функцию развлекательной четвѣй литературы.

Некоторые духовные стихи можно считать устной музыкально-поэтической формой бытования апокрифа: «Голубиная книга», «Стих о трех гробницах», «Стих о страсти Господа Иисуса Христа», «Плач Земли», а также многочисленные образцы эсхатологического содержания с мотивом расставания души с телом: «Голуби», «Вы старцы», «Сокрушение о грехах», «К неумолимой смерти», «О трех девах». Сюжетные мотивы, связанные с описанием Страшного суда, рая и ада, мучений грешников, могли проникнуть в народную поэзию из таких широко известных с XII—XIII вв. апокрифов, как «Хождение Богородицы по мукам» (перевод греческого апокрифа «Откровение Пресвятой Богородицы»), созданного под влиянием «Слова» Палладия Мниха; «Вопросы Иоанна Богослова ко Господу на горе Фаворской»; «Слово о царствии язык последних времен» Мефодия Патарского; «Беседа трех святителей»; «Размышления о геенне огненной»; «Слово и видение апостола Павла»; «Вопросы Иоанна Богослова Аврааму на Елеонской горе» и др. Космогонические сюжетные мотивы некоторых стихов (в частности, «Голубиной книги») могли быть заимствованы из апокрифов «Беседа трех святителей», «Вопросы Иоанна Богослова Господу на горе Фаворской», «От скольких частей создан был Адам», «Иерусалимская беседа».

Под влиянием апокрифического «Сказания о 12 пятницах» сложился одноименный стих. В первой строфе стиха упоминается его источник:

Приидите, братия, послушайте
Писание Божия, поучения
Святого Климента папы Римского
Про двенадцать великие пятницы
[Безсонов 1863–1864, 120].

По мнению А. Н. Веселовского, «Сказание о 12 пятницах» существует в двух редакциях — Элевферьевской и Климентовской (приписываемой святому Клименту) [Веселовский 1876]. Однако текст стиха не является пересказом апокрифа. Прямых сюжетных параллелей между стихом и сказанием немного. Исполнители стиха воспользовались художественной идеей сказания — толкованием символического значения пятницы в связи с различными событиями, происходившими в этот день в библейской истории, для назидательного наставления о необходимости поста и о тех воздаяниях, которые последуют за его несоблюдением.

«Плач Адама о рае», использованный в одноименном духовном стихе, входил в апокрифическое «Сказание о Адаме и Еве»; позже использовался в русском апокрифе «Слово на Лазарево воскресение».

Сюжетный мотив «Слова о видении апостола Павла» — жалоба природы (светил, земли) на беззакония и прегрешения людей — получил развитие в стихе «Плач земли» [Селиванов 2004, 229].

Большое количество стихов сюжетно связано с апокрифом «Хождение Богородицы по мукам». Он входит в число наиболее ранних памятников, переведенных на славянский язык и получивших признание на Руси.

Из апокрифов «Хождение Зосимы к рахманам», «Хождение Агапия в рай» в духовные стихи мог попасть мотив путешествия в рай. Из этих же источников стихами заимствованы такие атрибуты рая, как благоухающие цветы, плоды, поющие ангельские песни птицы; упоминание о том, что души попадают в рай по реке, тогда как грешники в ад отправляются пешком.

Из апокрифов зачастую проникали не только общие идеи, но и конкретные сведения. Например, в «Стихе о Страшном суде» [Киреевский 1848, XIX] сообщается, что на суд восстанут «...стары и малы будьте в тридцать лет». Этот же возраст определяется в «Вопросах Иоанна Господу»: «всяка вещь человеческая в 30 лет воскреснет» [Сахаров 1879, 133].

Сюжеты ряда духовных стихов восходят к содержащей описание житий святых **агиографической литературе**, как канонической, так и апокрифической.

В литературе разных народов известно «Житие Алексея человека Божия». На

Руси оно распространилось с XI–XII вв. Это произведение является иллюстрацией постоянно повторяющейся в поучениях и в житиях идеи прославления человека, способного отказаться от мирских удовольствий ради служения Богу [Еремин 1941, 92]. Поначалу прозаический текст жития обрабатывается в книжной виршевой форме, а затем начинает бытовать в народной среде в виде эпического духовного стиха.

С переводной греческой повестью «О преподобных отцах Варлааме и Иоасафе», известной на Руси с XII–XIII вв., связан цикл стихов: ранние памятники «Разговор Иоасафа царевича с пустыней» [Киреевский 1848, IX], «Иосаф и Варлаамий» («Был-жил царь премудрой») [Селиванов 2004, 198–204] и образцы позднего книжного происхождения «Из пустыни старец в царский дом приходит» [Там же, 204–206] — интерпретация стиха «Иоасаф и Варлаамий» и «Благословение царевича Варлаамом» («Бегу от мира я в пустыню») [Там же, 209–211] — интерпретация стиха «Разговор Иоасафа царевича с пустыней».

Стих «Егорий Храбрый» [Там же, 138–159] восходит к каноническому житию святого, повествующему о подвигах и мучениях св. Георгия, известному на Руси с XI в., а также к житийной иконографии. Отдельный легендарный эпизод «Чудо Георгия, како избави дочь цареву от змия» получил отражение в стихах «Егорий и змей» [Там же, 124–30], «О спасении Елисавии Арахлинской царевны» [Там же, 118–124], «Сказание о Георгии Храбром» [Там же, 130–134]. Как отмечает И. П. Еремин, «...костяк древнего эпического сказания <...> сохранился почти неизменным»; «...неясные и бледные исторические факты, связанные с именами Георгия и Федора, и благочестивое христианское настроение влились позже в удобные и вместительные рамки эпического сказания, создав своеобразные жития-былины» [Еремин 1941, 98]. Упомянутый Ереминым Федор — герой стиха «О Федоре Тироне», на который сюжетом о змееборстве оказало влияние сочинение «Мучение святого Феодора Тирона, ему же память творим в первую субботу поста».

«Мучение Дмитрия Солунского» — греческий мартирий, рано переведенный и потому весьма популярный на Руси —

один из источников духовного стиха «Димитрий Солунский» [Селиванов 2004, 219–226].

Житие Марии Египетской повлияло на стих «Про Марию Египетскую» [Соболев 1914, 29–30].

Духовный стих «Кирик и Улита» [Селиванов 2004, 166–172] восходит к житию этих святых.

Несмотря на чрезвычайную популярность святого Николая, духовных стихов, посвященных чудотворцу, мало. Отсутствуют биографические стихи. В основном музыкально-поэтическую интерпретацию получили «Чудеса», не входившие в каноническое житие святого. Их тексты можно обнаружить в Прологах и т.п. четых сборниках. В числе таких эпизодов «Чудо об Агриковом сыне Василии», получившее отражение в стихе «О Николае Святителе» [Киреевский 1848, V] и «Избавление Христофора от усекновения мечом», легшее в основу стиха «Святитель Никола и Христофор» [Бессонов 1861, 576]. Актуализация этих сюжетов относится ко временам татаро-монгольского нашествия благодаря теме спасения из плена.

Сочетание сюжетных мотивов из разных житийных памятников встречается в стихе «Онуфрий» [Селиванов 2004, 211]. Главный герой — преподобный Онуфрий Великий — египетский пустынный IV в. Стих содержит сведения, соответствующие житию святого: «...царские палаты оставил еси, густую пустыню возлюбил еси» (по житию Онуфрий был сыном персидского царя, который отдал его еще младенцем в монастырь); «...63 лета он там жил еси» (тот же срок приводится в житии); «...долгая брада ему была дана, власы были по всему телу, от солнца скопелу» (в житии и на иконе святой изображается закутанным в седые волосы вместо одежды). Описываемый же в стихе эпизод кончины святого Онуфрия («...когда пришел живот ему кончиться, тогда могли служить ему дикие звери; два льва гроб ему копали, землю вырывали») основан на фактах из жития другого святого — Павла Фивейского. Павел тоже египетский пустынный IV в. В иконографии этих двух святых изображают вместе, иногда еще и с Антонием Великим, как, например, в росписи Троицкой церкви Саввино-Сторожевского монастыря. Таким образом, стих соединил сюжетные мотивы

из житий разных святых, однако принадлежащих одному кругу подвижников.

Житийная литература оказала влияние на эсхатологические стихи. Здесь стоит упомянуть житие Василия Нового Григория Мниха, написанное во второй половине X в. в Константинополе. Большую часть произведения занимают два вставных эпизода, описывающих видения апокалипсического характера: «В первом из них — “Мытарства Феодоры” — говорится о “житии по ту сторону гроба”. Видевший это видение Григорий узнает в подробностях весь путь, которым души идут на небо и платят пошлину сообразно своим грехам. Во втором видении Григорий видит воскресение мертвых и Страшный суд, с казнями грешников» [Еремин 1941, 94]. По мнению В. А. Сахарова, это сочинение объединило «...разные мнения восточных христиан о загробной жизни» [Сахаров 1879, 184]: хождение Феодоры по мытарствам включает рассказ о разлучении души и тела и о частном суде души после смерти (малая эсхатология); видение Страшного суда отражает идеи большой эсхатологии. Житие оказало влияние на стих о Михаиле Архангеле [Селиванов 2004, 328–332]. В житии упоминается о том, что перед вторым пришествием Господа сходилась воинство, и один из воинов держал трубу золотую. Когда пришло воинство на землю, то протрубил воевода в трубу. В духовном стихе «Михайло Архангел — грозный судья» имеется эпизод, описывающий, как Михаил:

Со всею он силою небесною
И со трубою он златокованую.
И первый он раз вострубит, —
И души в телеса пойдут;
Второй он раз вострубит, —
От гробы мертвые встают;
В третий раз он вострубит, —
Все на суд Божий пойдут
[Селиванов 2004, 332].

Тема «видения рая» представлена в житиях Андрея Юродивого и Макария Римского. Эти житийные памятники повлияли на стихи, содержащие описание райских прелестей.

Итак, жития обогатили духовный стих новыми персонажами и связанными с ними сюжетными ситуациями, пришедшими из агиографии и иконографии. Повествование

в стихах разворачивается в соответствии с композиционным строением житий и житийных икон. Зачастую стихи весьма точно воспроизводят конкретные факты и второстепенные детали житийной фабулы. В то же время допускается вольная трактовка и трансформация сюжетов агиографии, пересечение сюжетных ситуаций из различных агиографических сочинений. Обращает на себя внимание ограниченный выбор житийных источников в качестве основы духовного стиха. Думается, что причина не в плохом знании агиографических сюжетов, а в определенных критериях их отбора. Источниками становились тексты, воспроизводящие события, созвучные времени создания духовного стиха, а также содержащие столь востребованные в стихах эсхатологические мотивы.

Предпринятый источниковедческий анализ подтверждает основополагающее значение христианской книжной традиции в формировании духовного стиха. Стихи слагались под влиянием интерпретаций религиозных сюжетов в разнообразных литературных памятниках, устных преданиях, произведениях образительного творчества. Мотивы и образы из Ветхого или Нового Завета могли быть сначала трактованы апокрифом или вольным пересказом, а затем уже попасть в духовный стих. Часто стихи появлялись вследствие объединения сюжетных мотивов из нескольких литературных памятников и устных преданий. Такие тексты Ф. Д. Батюшков называл интерполированными, или сборными, редакциями: происходит «...смешение различных мотивов из разных произведений в производном чередовании» [Батюшков 1891, 152]. В этой же связи Б. М. Соколов заметил: «...нет почти ни одного духовного стиха, рабски следующего своему книжному источнику» [Соколов 1930, 608, 609]. В большинстве случаев невозможно установить конкретный первоисточник. Лишь совокупность разных составляющих может рассматриваться

как пратекстовая основа духовных стихов. Смешение источников, разнородных по времени и месту происхождения, по формам бытования, служило средством адаптации духовного стиха к новым культурно-историческим периодам. При этом неизменной роль христианской книжности в качестве фундаментальной основы способствовала самосохранению духовного стиха как жанровой системы.

Заимствования из христианской книжности носили не только формальный, но и смысловой характер. Персонажи и связанные с ними сюжетные ситуации переносились в другой жанровый контекст, благодаря чему распространение христианских идей и разъяснение их сути происходило посредством текста-интерпретатора, в роли которого выступал духовный стих.

Выявление круга источников сюжетов духовных стихов подтверждает мысль А. А. Котляревского о том, что стихи «...представляют духовную поэзию грамотной части русского народа», потому что возникновение их «...обусловили столько же и народный элемент, сколько и книжная мудрость, доступная немногим грамотным людям и вовсе не существенная для простолюдина» [Котляревский 1889, 445]. От среды бытования во многом зависел выбор источниковой базы сюжетов. Стихи из репертуара монастырских насельников имеют большую общность с книжными христианскими источниками, включая богослужебные тексты молитв и песнопений. Стихи народных певцов обнаруживают большую связь с апокрифическими преданиями и фольклорными легендами. В обоих случаях, являясь вольными переводами книжных христианских сюжетов, стихи открывали своим слагателям возможность творческого самовыражения, поэтому в отечественной культуре они сыграли важную роль в процессе переосмысления роли творца художественного текста.

Литература

Батюшков 1891 — *Батюшков Ф. Д.* Сподуши с телом в памятниках средневековой литературы (опыт историко-сравнительного исследования). СПб., 1891.
 Безсонов 1861 — *Безсонов П. А.* Калики перехожие: Сб. стихов и исследование. М., 1861. Ч. I. Вып. 1–3.

Безсонов 1863–1864 — *Безсонов П. А.* Калики перехожие: Сб. стихов и исследование. М., 1861–1864. Ч. II. Вып. 4–6.
 Веселовский 1876 — *Веселовский А. Н.* Опыты по истории развития христианской легенды // Журнал Министерства народного просвещения 1876. № 6. С. 326–367.

Галахов 1894 — *Галахов А.* История русской словесности, древней и новой. М., 1894. Т. 1.

Еремин 1941 — *Еремин И. П., Скрипиль М. О.* Житийная литература // История русской литературы. М.; Л., 1941. Т. I. С. 87–113.

Киреевский — *Киреевский П. В.* Русские народные песни, собранные Петром Киреевским. Ч. I: Русские народные стихи. М., 1848.

Коробова 1997 — *Коробова А. В.* Богослужение как источник духовных стихов о Страшном Суде // Славянская традиционная культура и современный мир. М., 1997. Вып. 1. С. 18–37.

Котляревский 1889 — *Котляревский А. А.* Русская народная литература // Сочинения А. А. Котляревского. СПб., 1889. Т. 1. С. 439–450.

Ранняя русская лирика 1988 — Ранняя русская лирика. Репертуарный справочник музы-

кально-поэтических текстов XV–XVII вв. / Сост. Л. А. Петрова и Н. С. Серегина. Л., 1988.

Сахаров 1879 — *Сахаров В. А.* Эсхатологические сочинения и сказания в древнерусской письменности и влияние их на народные духовные стихи. Тула, 1879.

Селиванов 2004 — *Селиванов Ф. М.* Народные духовные стихи. М., 2004.

Серман 1962 — *Серман И. З.* «Псалтырь рифмотворная» Симеона Полоцкого и русская поэзия XVIII в. // Труды отдела древнерусской литературы. Т. XVIII. М.; Л., 1962. С. 214–232.

Соболев 1914 — *Соболев А. Н.* Обряд прощания с землей пред исповедью, заговоры и духовные стихи. Владимир, 1914.

Соколов 1930 — *Соколов Б. М.* Духовные стихи // Литературная энциклопедия / Отв. ред. А. В. Луначарский. Т. 3. М., 1930. С. 607–613.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Кандидат искусствоведения, доцент, заведующий кафедрой социально-культурной и библиотечной деятельности Новосибирского государственного педагогического университета: Российская Федерация, 630126, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, д. 28; тел.: +7 383 330 53 45; e-mail: 2107542@mail.ru

ROLE OF THE CHRISTIAN BOOK CULTURE IN THE SPIRITUAL VERSE FORMATION

NATALYA MURASHOVA

(Novosibirsk State Pedagogical University:

28, Viluiskaya str., Novosibirsk, 630126, Russian Federation)

Summary. *Christian book literature played a leading role in spiritual verse formation. The plots, adopted from the book tradition, externalized in conventional folkloric musical and poetic form. Text rhythmization, cliched intonation and poetic expressions promoted a faster assimilation and distribution of information adopted from different culture. Scriptures are considered to be plots' primary source, which has submitted character sets and related narrative motives and situations. Scriptures acted as a text protoform, which served as a ground for texts of other Christian genres: canonical and apocryphal, verbal and graphical, which correlate with each other and exist in the consistent semantic space with the Christian culture as a core. Furthermore, such "recipient" texts accomplished an exegetical function of the Holy Scriptures interpretation. Composers and performers of folk spiritual verses used them as an information source. A permanent role of Christian booklore as a fundamental principle was conducive to self-preservation of the spiritual verse as a genre system. Adoptions from the Christian booklore were not only formal, but also sense bearing. The characters and related plot situations were projected into context, that was different from the original. Hence, the distribution of Christian ideas and the explanation of the main points were realized by using the spiritual verse as "interpreter" text.*

The analysis of such plot sources as Bible books, liturgical texts, patristic and hagiographical literature, and apocrypha proves the leading role of the Christian book culture in the spiritual verse formation and its maintenance as a genre system.

Key words: *spiritual verse, Christian book culture.*

Acknowledgements: *this research is supported by Russian Fund for Humanities project No. 15-04-00113-a.*

References

- Batyushkov F. D.** (1891) Spor dushi s telom v pamyatnikakh srednevekovoy literatury (opyt istoriko-sravnitel'nogo issledovaniya) [Dispute between the Soul and the Body in the Literature Monuments of Middle Ages (Probes of Historical-Comparative Studies)]. St. Petersburg. In Russian.
- Bezsonov P. A.** (1861) Kaleki perekhozhie. Sbornik statey i issledovanie... ["Vagrant cripples". Collection of spiritual verses and research by P. A. Bessonov]. Part 1. Issues 1–3. Moscow. In Russian.
- Bezsonov P. A.** (1863–1864) Kaleki perekhozhie. Sbornik statey i issledovanie ["Vagrant cripples". Collection of spiritual verses and research by P. A. Bessonov]. Part 2. Issues 4–6. Moscow. In Russian.
- Galakhov A.** (1894) Istoriya russkoy slovesnosti, drevney i novoy [History of the Russian Literature, Ancient and New]. Vol. 1. Moscow. In Russian.
- Remin I. P., Skripil' M. O.** (1941) Zhitiynaya literature [Hagiography Literature]. *Istoriya russkoy literatury* [History of Russian Literature]. Vol. 1. Moscow; Leningrad. Pp. 87–113. In Russian.
- Korobova A. V.** (1997) Bogoslužhenie kak istochnik dukhovnykh stikhov o Strashnom Sude [Liturgy as a Source of the Spiritual Verses about the Doomsday]. *Slavyanskaya traditsionnaya kul'tura i sovremennyy mir* [Slavic Traditional Culture and the Modern World]. Vol. 1. Pp. 18–37. Moscow. In Russian.
- Kotlyarevskiy A. A.** (1899) Russkaya narodnaya literatura [Russian Folk Literature]. *Sochineniya A. A. Kotlyarevskogo* [Oeuvre of A. A. Kotlyarevskiy]. Vol. 1. St. Petersburg. Pp. 439–450. In Russian.
- Rannaya russkaya lirika. Repertuarnyy spravochnik muzykal'no-poeticheskikh tekstov XV–XVII vv. (1988) [Early Russian Lyrics. Repertoire Index of Musical-Poetical Texts of the 15th — 17th Centuries]. Leningrad. In Russian.
- Russkie narodnye stikhi (1848) [Russian Folk Verses]. *Russkie narodnye pesni, sobrannye Petrom Kireevskim* [Russian Folk Songs, collected by Petr Kireevskiy]. Part 1. Moscow. In Russian.
- Sakharov V. A.** (1879) Eskhatologicheskie sochineniya i skazaniya v drevnerusskoy pis'mennosti i vliyaniye ikh na narodnye dukhovnye stikhi [Eschatology Compositions and Tales in Old Russian Books and their Influence upon Folk Spiritual Verses]. Tula. In Russian.
- Selivanov F. M.** (2004) Narodnye dukhovnye stikhi [Folk Spiritual Verses]. Moscow. In Russian.
- Serman I. Z.** (1962) «Psaltyr' rifmotvornaya» Simeona Polotskogo i russkaya poeziya XVIII v. ["Rhymed Psalter" by Simeon Polotskiy and Russian Poetry of the 18th Century]. *Trudy otdela drevnerusskoy literatury*. [Works of Old Russian Literature Department]. Vol. 18. Moscow; Leningrad. Pp. 214–232. In Russian.
- Sobolev A. N.** (1914) Obryad proshchaniya s zemley pred ispoved'yu, zagovory i dukhovnye stikhi [Ritual of Farewell to Earth before Confession, Charms and Spiritual Verses]. Vladimir. In Russian.
- Sokolov B. M.** (1930) Dukhovnye stikhi [Spiritual Verses]. *Literaturnaya entsiklopediya* [Literature Encyclopaedia]. Vol. 3. Moscow. Pp. 607–613. In Russian.

ABOUT THE AUTHOR

E-mail: 2107542@mail.ru

Tel.: +7 (952) 909-83-69

28, Viluiskaya str., Novosibirsk, 630126, Russian Federation

PhD (Arts), head of department of Social-Cultural and Library Activity, Novosibirsk State Pedagogical University
